Книга, ставшая фильмом Франсуа Трюффо

ЖЮЛЬ И ДЖИМ

АНРИ-ПЬЕР РОШЕ

18+

Анри-Пьер Роше

Жюль и Джим

«Альпина Диджитал»
1953

УДК 821.133.1-311.1
ББК 84(4=Фра)-44

Роше А.

Жюль и Джим / А. Роше — «Альпина Диджитал», 1953

ISBN 978-5-00-272604-2

Париж, 1907 год. Австриец Жюль и француз Джим становятся друзьями. Их могла бы разлучить только женщина, в которую оба влюблены, но она становится частью этого неделимого союза. История затянувшихся на десятилетия отношений лишена нарочитой сентиментальности, но наполнена ледяной нежностью, претерпевшей все испытания первой половины XX века. Автобиографический роман Роше, написанный им в 74 года, вдохновил Трюффо на создание культового фильма с Жанной Моро.

УДК 821.133.1-311.1
ББК 84(4=Фра)-44

ISBN 978-5-00-272604-2

© Роше А., 1953
© Альпина Диджитал, 1953

Содержание

Сердца трех 8
I 10
1 10
2 11
3 12
Конец ознакомительного фрагмента. 13

Анри-Пьер Роше
Жюль и Джим

Знак информационной продукции (Федеральный закон № 436–ФЗ от 29.12.2010 г.)

Переводчик: *Александр Васильков*
Редактор: *Максим Семеляк*
Издатель: *Павел Подкосов*
Главный редактор: *Татьяна Соловьёва*
Руководитель проекта: *Ирина Серёгина*
Арт-директор: *Юрий Буга*
Корректоры: *Юлия Сысоева, Лариса Татнинова*
Верстка: *Андрей Фоминов*
Иллюстрация на обложке: *Людмила Басенко*

© Éditions Gallimard, Paris, 1953
© Издание на русском языке, перевод, оформление. ООО «Альпина нон-фикшн», 2027

* * *

АНРИ-ПЬЕР РОШЕ

ЖЮЛЬ И ДЖИМ

Перевод с французского

альпина ПРОЗА

Москва, 2027

Все права защищены. Данная электронная книга предназначена исключительно для частного использования в личных (некоммерческих) целях. Электронная книга, ее части, фраг-

менты и элементы, включая текст, изображения и иное, не подлежат копированию и любому другому использованию без разрешения правообладателя. В частности, запрещено такое использование, в результате которого электронная книга, ее часть, фрагмент или элемент станут доступными ограниченному или неопределенному кругу лиц, в том числе посредством сети интернет, независимо от того, будет предоставляться доступ за плату или безвозмездно.

Копирование, воспроизведение и иное использование электронной книги, ее частей, фрагментов и элементов, выходящее за пределы частного использования в личных (некоммерческих) целях, без согласия правообладателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Сердца трех

«Жюль и Джим» – это автобиография аскетичного аморализма. Родившийся в 1879 году и написавший ее на старости лет Анри-Пьер Роше был богемой прекрасной эпохи, а также ее слома, и еще одного слома, и еще одной прекрасной эпохи, так что эта книга обладает двойной-тройной выдержкой: благодаря экранизации Франсуа Трюффо мы привыкли сверять по ней дух французских шестидесятых, хотя корни ее уходят в совсем иное прошлое, к Дюшану, Пикассо, Сати, Бранкузи, Пикабиа и другим наперсникам писателя. Стиль Роше отчасти напоминает «Двойной шпагат» его младшего современника Жана Кокто (вплоть до эпизодов с эфиром). «В ней сидел уличный бес. Она ничуть этого не стыдилась» – эти фразы вполне могли бы оказаться в «Жюле и Джиме».

О строгой привязке книги ко времени как раз и предупреждал Трюффо: «Думаю, “Жюль и Джим” имеет значение только для эпохи, в которой развивается действие, хотя и в наши дни женский вопрос весьма популярен». Указанный вопрос тут, что и говорить, поставлен ребром. Женщина рулит, решает и доминирует – даже на уровне телесного контакта: «Впервые Джим увидел неподвижную и холодную Кате и отдался ей неохотно». Или – еще нагляднее: «Выбирала Кате, и она скорее брала себе любовников, чем отдавалась им».

По факту герои «Жюля и Джима» вытворяют такое, что дадут сто очков вперед иным персонажам Генри Миллера, но сам текст Роше при этом не в пример строг и на удивление несластолюбив: тут скорее тропик рока, в нем почти нет гедонизма. Секс напоминает подвижничество – не случайно Жюль называет любовь наказанием, которое люди применяют к себе. Всякое объятие фатально – поэтому для любовного акта у Кате выработан эвфемизм «совершать непоправимое». Тут определенно слышны набоковские ноты («Марфинька нынче опять это делала»), но там, где у Набокова плохо скрываемая гадливость, Роше по обыкновению невозмутим, как и положено большому коллекционеру искусства: «Шесть лет спустя он чуть ли не на глазах у Жюля стал любовником Кате. Но разве могли они на него за это сердиться?» Любовный треугольник «Жюля и Джима» – это в первую очередь геометрическая фигура, и любые чувства и страсти обязаны конвертироваться в вершины, стороны и углы, а возбуждение кроется в условной равнобедренности. Поэтому, собственно, Кате и считает измену не более чем способом «восстановить равновесие», а в другом месте похождения героев называют эквилибристикой.

Трюффо идеально перенес эту геометрическую сдержанность и отстраненность на экран. Он вспоминал: «В картине “Жюль и Джим” важно было не допустить, чтобы героиня превратилась в этакую очаровательную гадину, которой все дозволено… Чтобы не вызывать излишнюю симпатию к героине Жанны Моро, я сделал ее чересчур жесткой». Кажется, этого опасался и Роше, в свою очередь наделив ее вампирскими чертами (и это, пожалуй, единственные фрагменты романа, где ему слегка изменяет идеальный вкус коллекционера). Этот образ повторяется с приторной навязчивостью: «она была в его сердце, она пила кровь», «она с наслаждением купалась в красной крови его сердца», «он вспоминал Кате, какой она была вначале, еще не знавшей вкуса крови», «Кате казалась Джиму великолепным кровавым идолом рядом с ним», «архаическая улыбка питается молоком… и кровью. Губы Кате были созданы для того и другого».

Роше пишет: «Кате прежде говорила: “Любишь по-настоящему всего минутку”. Эта минутка все возвращалась». Это напоминает мысль Ларисы Рейснер, записанную Шкловским: «Но любовь, как сказала мне Лариса Рейснер, – пьеса с короткими актами и длинными антрактами. Нужно уметь вести себя в антрактах». По большому счету, «Жюль и Джим» – это и есть роман о том, как мужчины умеют (ок, предположительно должны уметь) вести себя в этих антрактах. Собственно разврат здесь соседствует с благородством в духе лирики Григо-

рия Поженяна (герои «Жюля и Джима» тоже, к слову, фронтовики) – «ну а случится, что он влюблен, а я на его пути, уйду с дороги, таков закон: третий должен уйти». Другое дело, что третьему «уйти» невозможно, попросту не дано: чтобы треугольник превратился в прямую линию, уйти должны двое, причем за горизонт. Но пока все живы, речь идет лишь о нарастающей близости по всем фронтам: «Жюль и Джим, которым изменила Кате, еще больше сроднились». А с другой стороны, в дидактике страсти французская богема тут отчетливо перекликается с Серебряным веком, а конкретно с розановскими соображениями о том, что измена есть самоисцеление любви.

Это роман о некоем дистиллированном мужском начале, без нелепого мачизма (хотя насилие над женщиной тут вполне присутствует, чего уж там) и прочих вульгарностей (язык не поворачивается рассуждать о рогоносцах и подкаблучниках, хотя вроде бы речь именно о них, – а не поворачивается он потому, что все это изложено совершенно иным благородным наречием, на котором изъясняются люди, умеющие вести себя в антрактах – впрочем, умеющие не всегда, к вопросу о насилии). Об истинных муках ревности мы можем только догадываться – например, когда перед гибелью Джим видит Кате в луче света и ему кажется, что к ней все еще тянутся руки любовника. При этом Роше не утомляет играми подсознания; хотя Фрейд однажды и появляется на страницах, любая психология здесь скорее вышучивается: «Вы с Жюлем – отличные психологи! – сказала Кате. – Пишешь им все черным по белому, они читают, не понимая, и перемигиваются с видом знатоков».

Герои Роше, в сущности, безлики и почти призрачны (несмотря на свою плотскую гиперактивность). Мы мало что знаем о них, и их физический облик остается смутным, даже когда одному из героев делают эпиляцию. Несмотря на то что герои постоянно что-то пишут, мы больше в курсе их сигар, нежели сочинений. «Жюль писал прекрасную книгу» – этого так же достаточно, как и описания «совершенно голая». Однако, избавляя нас от литературных формальностей, Роше взамен одаривает филигранной точностью суждений и живейшим течением мысли. Роман опубликовали в 1953 году, Роше уже было за семьдесят, и его возраст хорошо считывается – это проза человека, которому человеческие личности уже не так интересны (как, впрочем, и исторические события – о Первой мировой в романе сказано меньше, чем о прыжках героини нагишом то в Сену, то в снег, то в датское море), а вот обобщенных мыслей по их поводу скопилось слишком много. Писатель должен быть старым, как справедливо подмечала Холли Голайтли, которая, наверное, сама могла бы быть персонажем подобной книги, тем более что «Завтрак у Тиффани» вышел всего через пять лет после «Жюля и Джима». Но нет, конечно, не могла бы. Холли как раз слишком очаровательна и предсказуема в своей непредсказуемости, а Роше выписывал совершенно иной и куда более темный тип.

Гертруда Стайн писала о нем так: «Роше был из той породы людей, какие всегда есть в Париже. Это был очень честный, очень благородный, преданный, очень верный и очень восторженный человек, который всех со всеми знакомил. Он знал всех, действительно всех знал, и он мог познакомить кого угодно и с кем угодно… Он уже много успел, он бывал в австрийских горах с австрийцами, он бывал в Германии с немцами, и он бывал в Венгрии с венграми, и он бывал в Англии с англичанами. Он не бывал в России, хотя бывал у русских в Париже».

Теперь он вдобавок часть русской словесности, после стольких-то лет почетного бытования на полках в виде VHS или DVD.

Максим Семеляк

I
Жюль и Джим

1
Жюль и Джим

Это было в 1907 году.

Толстенький коротышка Жюль, приехавший в Париж иностранец, попросил высокого стройного Джима, с которым был едва знаком, провести его на «Бал четырех искусств», и Джим добыл ему приглашение и сводил в костюмерную. И пока Жюль тихонько шарил среди тканей и выбирал себе простой костюм раба, Джим проникся к нему симпатией. Дружеское расположение усилилось во время бала, где Жюль спокойно стоял и только таращил глаза, полные юмора и нежности.

Назавтра у них состоялся первый настоящий разговор. В парижской жизни Жюля не было женщины, а ему хотелось, чтобы она была. У Джима женщин было много. Он познакомил Жюля с молодой музыкантшей. Поначалу все вроде бы складывалось хорошо. Жюль на неделю слегка в нее влюбился, она в него тоже. Потом Жюль решил, что она слишком рассудочна, а она сочла его насмешливым и флегматичным.

Жюль и Джим виделись ежедневно. Порой они засиживались допоздна, обучая друг друга каждый своему языку и знакомя со своей литературой. Они показывали друг другу свои стихи и вместе переводили. Они неспешно беседовали, и ни у одного из этих двоих никогда еще не было настолько внимательного слушателя. Завсегдатаи бара вскоре приписали им противоестественные наклонности, о чем они и не догадывались.

Джим водил Жюля в литературные кафе, где бывали знаменитости. Жюля там ценили, и Джим этому радовался. В одном из этих кафе у Джима была приятельница, хорошенькая разбитная бабенка, которая на попойках держалась лучше поэтов, до шести утра. Она свысока и ненадолго оделяла своей благосклонностью. В любых обстоятельствах оставалась беззаконно свободной и сохраняла быстрый и беспощадный ум. Иногда они ходили куда-то втроем. Жюля, которого находила милым увальнем, она приводила в замешательство. Он считал ее замечательной, но боялся. Она познакомила Жюля со своей подружкой-простушкой, но тот и счел ее простушкой.

Так что Джим ничем не смог помочь Жюлю и предложил ему искать самостоятельно. Жюль, возможно, стеснявшийся своего еще несовершенного французского, неизменно терпел неудачи. Дело не в языке, сказал Жюлю Джим.

И преподал ему основы.

– С таким же успехом вы можете дать мне взаймы вашу обувь или боксерские перчатки, – сказал Жюль, – все это будет мне велико.

Жюль, хотя Джим его отговаривал, обратился к профессионалкам, но удовольствия не получил.

У них оставались переводы и беседы.

2
Джим едет в Мюнхен

Тем временем мать Жюля, уже в годах, но еще бодрая, приехала в Париж повидаться с сыном. У Жюля прибавилось хлопот. Она придирчиво изучала его белье, требуя, чтобы все пуговицы до единой были на месте. Она водила Жюля и Джима ужинать в лучшие рестораны, но настаивала, чтобы оба были в сюртуках и цилиндрах. Для Жюля это было непросто. Она уехала.

Три месяца спустя, дождливым вечером, Жюль устроил для них в двух своих меблированных комнатах импровизированный ужин. Случайно открыв дверцу изразцовой печи, Джим увидел в топке цилиндр Жюля, без шляпной картонки и закоптелый. «Здесь он мне не мешает, а сажа защищает его», – сказал довольный Жюль. «Я же не ваша матушка», – ответил Джим.

Они ели в маленьких ресторанчиках. Много тратили на сигары. Каждый выбирал для друга самые лучшие. Они посещали кабаре Майоля и Театр Гэте-Монпарнас, где в то время выступала Колетт.

Жюль много рассказывал Джиму о своей стране и о девушках, которые там жили. Он любил одну из них, Люси, и просил ее руки, но она ему отказала. Потому он и уехал в Париж. Прошло полгода, и он собирался вернуться, чтобы увидеться с ней.

– Есть и другая, – сказал Жюль, – Гертруда, она ведет свободную жизнь, и у нее прелестный ребенок. Она меня понимает и не принимает всерьез. Вот она.

Жюль вытащил из бумажника фотографию Гертруды: она лежала голая на пляже, окруженная мелкой набегающей волной, ее годовалый сын сидел нагишом на ягодицах матери, как на крепостной стене, глядя в море.

– Есть и еще одна, Лина, и я, может быть, полюбил бы ее, если бы не любил Люси. Вот, смотрите, какая она.

И он неспешно, мелкими штрихами нарисовал ее лицо на круглой мраморной столешнице.

Джим, продолжая говорить, взглянул на это лицо и прибавил:

– Я еду с вами.

– Чтобы их увидеть?

– Да.

– Браво! – сказал Жюль.

Джим хотел купить этот столик, но хозяин заведения соглашался продать только все свои двенадцать столов разом.

3
Три красавицы

Жюль приехал в Мюнхен, где провел два года с этими женщинами, на неделю раньше Джима, чтобы все подготовить.

Он снял для него две большие комнаты у хороших людей и предупредил о приезде Джима трех своих подруг, настолько по-разному описав его каждой из них, что позже, обмениваясь этими сведениями, они окончательно запутались.

Жюль сразу же, как только Джим приехал, познакомил его с Линой, уже знавшей историю со столиком.

К изумлению Жюля, еще не успев доесть поданные к чаю пирожные, Лина, прелестная лукавая девушка, и Джим сошлись на том, что:

а) Джим мало похож на описание, сделанное Жюлем для Лины;

б) Лина совсем не похожа на рисунок на круглом столике;

в) они друг другу понравились, но, желая сберечь время Жюля и свое собственное, сообща заявили, что ожидаемой любви с первого взгляда не случится.

– Как я завидую четкости и быстроте ваших реакций… – сказал Жюль.

Что же касается Люси и Гертруды, Жюль явил обеих Джиму одновременно, за ужином в самом современном баре города.

Сбросив вечерние манто, они предстали перед друзьями, такие непохожие между собой, и уселись за стол светлого дерева, на котором вскоре появились скатерть и причудливые бокалы.

Когда Жюль говорил трем остальным, какие нежные чувства к ним питает, на губах его блуждала робкая блаженная улыбка.

За столом царила непринужденность, не было ни малейшего смущения.

– Жюль, как вам удается, – вслух рассуждал Джим, – соединять таким образом двух женщин, настолько разных и настолько…

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.